

теории гендера гендерные исследования постепенно переходят к более уравновешенному состоянию. Однако и применение гендерного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых — понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь (Collins) : пер. с англ. Т. 1.— М. : Вече, АСТ, 1999.— С. 110.
2. Воронина О. А. Теория и методология гендерных исследований : курс лекций.— М. : МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001.— С. 219.

3. Воронина О. А. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований».— 2-е изд.— М. : Моск. центр гендер. исслед. : Моск. высш. шк. социал. и экон. наук, 2001.— С. 316, 368.

4. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике. (Философский и методологический аспекты) // Обществ. науки и современность.— 2000.— № 4.— С. 138.

5. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отеч. история.— 1995.— № 3.— С. 31.

6. Гендер в лингвистике : слов. гендер. терминов [Электронный ресурс] // <http://www.owl.ru/gender/011.htm>. 2011, свободный.

Л. М. Минкин (Харьков, Украина)
С. А. Моисеева (Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ МЕНТАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГУСТАВ ГИЙОМ

The article addresses general issues of phenomenology and epistemology and on this methodological ground explores in depth psychosystematics and psychoeconomics of the French language, the former being new trends in language theory formulated by G. Guillaume. The main conclusion drawn in the article lies in postulating the possibility of combining two approaches to studying mentality — «from the outside», proceeding from postverbal forms and «from the inside», reconstructing the kinetism of cognitive processes.

Keywords: *language, speech, speech act, thinking, cognitive semantics, epistemology, phenomenology, psychosystematics, psychomechanics.*

Ментализм не является новой концепцией в лингвистике. Основное различие в менталистских подходах сводится к наблюдению отношения языка и мышления «изнутри» или на основе поствербальных форм, оба подхода представляют два аспекта лингвистической эпистемологии [Vajric, 2005: 9]. Г. Гийом считал недостаточным изучение мыслительно-языкового процесса только по поствербальному результату, так как вне поля зрения исследователей остается языковая система, упреждающая и обуславливающая речь [Гийом, 2004: 20]. В самом общем виде трином Г. Гийома выглядит так: превербальные мыслительные операции > язык > речь [Guillaume, 1969: 32–33]. Все составляющие тринома — реальные сущности, с одной стороны, это язык, существующий «в нас» в виде потенции, с другой — воспринимаемые органами чувств речевые акты. Скрытая лингвистическая реальность — система языка — представляет абстрактное понятие, для ее интерпретации необходимо обратить внимание на специфику взаимоотношений мышления и языка. Общая когнитивная структура обуслов-

ливает статус языка как «науки всех наук» [Гийом, 2004: 148]. Такая эпистемологическая функция языка обеспечивается его двуединой онтологией. В. Валет уточняет, что не сам язык следует считать преднаукой, а речевой акт «как интеграл языка и речи» [Valette, 2006: 190]. Абсолютизация когнитивной семантики представлений языка без их речевого воплощения ведет к отрыву от эпистемологической функции языка, которая коррелирует с его онтологией (с его феноменологией в широком смысле). Характеристика феноменологии как метода направлена на онтологию, на сущее. «Выделение бытия сущего и экспликация самого бытия — задача онтологии» [Хайдеггер, 2001: 2]. «Именно Хайдеггеру принадлежит мысль, что Бытие непостижимо не иначе как через посредство языка, который неподвластен человеку, ибо не человек мыслит себя на языке, но язык мыслит себя через человека» [Эко, 2004: 437]. Предпосылками исследования в языке являются как данные чувственного восприятия, так и опытное наблюдение. Воспринимая реальное — речевые акты,

нам «трудно уловить, что происходит внутри нас [Гийом, 2004: 20]. Двуетное онтологическое основание лингвистической реальности — дихотомия язык / речь, их скрытое и видимое бытие. Первооснова, сущее этой дихотомии — язык, представляющий потенциальную систему, видимое бытие, обнаруживается только в речи. Интеграция языка и речи берет свое начало в превербальный период, основой которого является диалектическое отношение «язык / мышление». Предваряя рассмотрение связи мышления, языка и речи, отметим, что рефлексивное движение мышления обусловлено перехватами, которые оно само осуществляет; конечным результатом кинезизма комплекса «язык / мышление» являются речевые акты [Минкин, Моисеева, 2004: 103]. «Содержание языка — это данная человеческому сознанию совокупность мыслимого, но не в виде выражения, а в виде систематизированного представления. Содержание речи — это выборочная часть мыслимого, использованная для производства действительно обдуманного» [Гийом, 2004: 96]. Речевой акт как финальная единица речевой деятельности может быть рассмотрен одновременно как теленомическая конструкция, со стороны языка (в мышлении человека) и со стороны интенции высказывания (думающего человека). Подразумеваемый в этом случае трансцендентальный субъект интегрирует обе составляющие речевого акта — высказывания. Это означает, что когнитивная теория представляет и теорию высказывания [Valette, 2006: 145]. В феноменологическом описании языка, его бытия, привилегированная роль принадлежит сознанию, поскольку «приоритет сознания распространяется на самое существование человека...» [Макаров, 2003: 28]. Э. Гуссерль писал: «Учение о категориях должно исходить из этого, самого радикального из бытийных различий: бытие как сознание [т. е. *res cogitans*] и бытие как «засвидетельствованное» сознанием, «трансцендентное» бытие [*res extensa*] [цит. по: Хайдеггер, 2001: 164]. Г. Гийом считает, что язык — это область бессознательного. Онтологический переход от бессознательного к сознательному в речевой деятельности происходит на границе «прошедшее — настоящее / будущее» оперативного времени речевого акта, охватывающего соответственно область языка и речи [Valette, 2006: 203]. Оставаясь ментальным феноменом, лингвистическая интуиция (бессознательное) противопоставляется интенции целеустремлений в плане реализации фразового и дискурсивного. Поскольку язык — это зона бессознательного, его функцио-

нирование как преднауки остается не осознанным субъектом речи. Важной предпосылкой феноменологического описания языка является содержание и отношение внутреннего универсума человека (универсум во-мне) и внешнего (универсум вне-меня) [Гийом, 2004: 167]. В антропологическом измерении языка первоосновой внутреннего и внешнего универсумов являются отношения «человек / универсум», в состав которого, в конечном счете, входит отношение «человек / человек» [Там же: 161–162]. Гийом пишет: «Речь строится на основе языка. Рассматривать речевую деятельность подобным образом — значит быть реалистом [Там же]. Фактически онтология лингвистической реальности редуцируется до феномена «дискурс». При таком восприятии дискурса, естественно, изменяется эпистемологический вектор изучения, и язык выносится за скобки [Valette, 2006: 167]. «Классическая диада лингвистики язык и речь — на современном, антропологическом этапе развития науки о языке раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение» [Карасик, 2004: 360]. Интерес к дискурсу — большой, и для этого есть много причин на современном этапе развития науки [Макаров, 2003: 14–43]. Чтобы обосновать глубоко дискурсивный подход, часто ссылаются на мнение Ф. Соссюра, который отмечает, что язык является единственным объектом лингвистики. В то же время ученый признает речь отдельной лингвистической дисциплиной [Соссюр, 1997: 58]. Намеченное Ф. Соссюром разграничение языка и речи в лингвистической теории Г. Гийома интерпретируется в новых парадигмах знаний, включающих, в частности, прагматику и когнитивистику (хотя у Гийома сам термин «когнитивистика» и его производные отсутствуют). Прагматика, по мнению Г. Гийома, принадлежит речи (прагматическое целеустремление); однако ученый говорит и о гиперпрагматике как об обобщенном представлении в виртуальном пространстве языка. Общая интенция, будучи частью гиперпрагматики, редуцируется и конкретизируется в дискурсе. В центре внимания Г. Гийома находились также вопросы познания (эпистемологии) языка и связанные с этим методики. Новая аксиоматика исследования (познания) языка предполагает, что предметом рассмотрения является не реальность самих объектов независимо от субъектов наблюдения, а их индивидуальная интерпретация в процессе отношения наблюдателя и наблюдаемого [Valette, 2006: 167]. При этом не сами «факты, а конструкты формируют знания о внешнем мире» [Соссюр,

1997: 59]. Такая эпистемология получила название «конструктивистской» [Valette, 2006: 167]. Подобный эпистемологический подход к языку реализует Г. Гийом. В центре внимания ученого — наблюдение над конструктивным процессом каузации прежде всего скрытого, потенциального этапа, включающего уже сформированную структуру — языковую систему и построение единиц языка в виде знаков, когда знаковые (физические) с структуры, интегрируясь с мыслительными (психологическими), становятся их «носителями», обеспечивающими восприятие. Такая взаимная каузация (языка и мышления) — хроногенетический процесс, неоднократно повторяется в архитектонике речевой деятельности [Guillaume, 1969: 33]. Конечный этап конструктивной каузации представлен вариантами значений при реализации знаков (*effets de sens*) в процессе речевой деятельности. Отметим, что собственно ментальный этап каузации, восходящий к отношению «человек / человек», коррелирует с отношением «универсум / человек». В процессе конструктивной каузации складываются определенные отношения между психическими (ментальными) и физическими структурами. По мнению Г. Гийома, «Единственная исследовательская позиция, соответствующая задачам языка та, которая везде видит в нем диаду физическое / ментальное и может следить за «частными диадами физическое / ментальное» [Гийом, 2004: 72–73]. Эта исследовательская задача познания решается в процессе эпистемогенеза, когда лингвист-наблюдатель, осуществляет два вида когнитивной деятельности: собственно наблюдение и конструирование [Плотникова, 2006: 74]. В последние годы преподавательской деятельности Г. Гийом сосредоточил внимание на речи (дискурсе) — наблюдаемой лингвистической реальности. Его реконструкция лингвистом языка (невидимого, металингвистического объекта), имеющего нейронный субстрат, представляет значительное достижение аналитической нейролингвистики в области эпистемологии и воссоздания теории языка [Valette, 2006: 255–256]. Г. Гийом отмечает, что постоянная позиция лингвиста должна заключаться в непрерывном поиске видения, присущего глубокому пониманию [Гийом, 2004: 44]. Подчеркивая особенность языка, эмпирическую основу его теории, которая базируется не на эксперименте, а на наблюдении, Г. Гийом теоретически допускал «присутствие» наблюдателя в системе языка [Guillaume, 1969: 27], подобно тому, как автор теории дополнительности Н. Бор настаивал «на включении наблюдателя и ус-

ловий опыта в физическое описание природы» [цит. по: Реферовская, 1997: 248]. Г. Гийом, по сути, осуществляет эпистемологическую деятельность в области языка с момента открытия им фундаментального когнитивного механизма двойного движения мысли в направлении единичного и всеобщего: «...языковое сознание обязано своей потенцией тому, что способно обобщать и индивидуализировать. Если лишить его такой двойной способности, которая составляет единое целое (внутреннее бинарное целое), то человеческое сознание потеряет силу и дееспособность» [Гийом, 2004: 119]. В познавательной деятельности лингвиста — конструктора и реконструктора языка эта двойная способность сознания предполагает постоянно возобновляемые операции на этапах партикуляризации (смотреть, видеть, наблюдать) и генерализации (думать, понимать, теоретизировать) [Valette, 2006: 196]. В этой эпистемологической дихотомии основными являются коррелирующие глаголы *видеть* и *понимать* [Там же] как аргументы последующих когнитивных операций, обусловленных разграничением самого объекта и его теории. Когниция проявляется, прежде всего в конструктивной направленности языка, в отношениях «человек / универсум (вне-меня)», соотносимых с отношениями «человек / человек (универсум во-мне)». Именно между двумя этими универсумами осуществляется обоюдное движение (кинетизм) мышления, что и составляет основу фундаментального механизма речевой деятельности [Там же: 139]. Путь познания, реконструкции невидимого на основе видимого, в частности для характеристики ментальности языка и речи «изнутри», представляет одну из эпистемологических универсалий. Силой своего разума человек проникает в ментальную сферу языка, представляющую собой созидательную работу человеческой мысли по восприятию и осмыслению окружающего мира. При этом мысль создаёт язык для своего собственного выражения через речь. Г. Гийом, восприняв теорию многих учёных, и прежде всего Ф. де Соссюра, о разграничении языка и речи, впервые представил новое направление в науке о языке — психосистематику, которая располагает собственной методикой исследования — позиционной лингвистикой [Гийом, 2004: 53]. Психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а определённые и готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, при этом подчёркивается, что язык независим от мышления. Мышление совершенно свободно в своём движении [Там же]. Речи

принадлежат пути, которым следует мышление, чтобы обеспечить себе оптимальный перехват [Valette, 2003: 10]. Перехват — это место встречи, соприкосновения мышления и речи. Перехватить — это одновременно задержать и понять. Перехваты, которыми оперирует мысль, придают мышлению потенциальную значимость [Там же]. Структура языка обусловлена внутренней деятельностью мысли по мере её продвижения от общего к частному и от частного к общему и может быть перехвачена в определённые моменты движения поперечными срезами, которые разбивают её на ограниченные отрезки, получающие языковое обозначение [Реферовская, 1997: 123]. Г. Гийом, определяя концептуальное содержание психосистематики как языка, существующего в мышлении в уже построенном виде [Гийом, 2004: 186], подчёркивает, что такое строение когерентно, оно интегрирует свои составные части и обладает собственной целостностью, которая заключается в воспроизведении последовательно языковых явлений в их развёртывании по горизонтали и в проведении их анализа с помощью сечений продольного развёртывания, как это делает само мышление [Там же: 53]. В основе теории психосистематики языка находится субстрат движения мысли от общего к частному и от него снова к общему с её перехватами, на основе такого движения строится вся архитектура речевой деятельности. Все изменения, связанные с полем речевого использования слова «подразумевают идею, прочно присвоившую себе определенный знак» [Там же: 158]. В языковой системе слово-знак однозначно, а в речи однозначно или многозначно, поскольку «различные варианты расширения (*extensité*) или, лучше, растяженности (*tensité*) <...> содержатся в потенции в каждом слове на доречевом уровне» [Там же: 157]. На оси движения мысли «общее — > частное — > общее системное» значение слова локализуется в позиции «частное». Универсализация и сингуляризация слова представляют изменение не его формы, а «размера» (растянутости) его содержания, зафиксированного как итог рече-мыслительной деятельности результативного и процессуального планов. Кроме самой позиционной методики, которая в определённой степени гарантирует реальность того, что происходит в мышлении (в ментальной сфере), а также соответствует теории психосистематики для определения оперативного темпорального пространства, важны следующие общие постулаты, на которых базируется анализ работы мышления:

1. Всякая мысль, участвующая в производстве речи, представляет движение.

2. По мере развития этого движения осуществляются перехваты, отмечающие ранние и поздние моменты их «остановки».

3. Такое движение имплицитно существование оперативного времени [Valin, 1971: 39–40]. Очевидно, что любое движение имеет временное измерение и для любого движения необходимо определённое время. Если согласиться с существованием темпорального субстрага становления форм языка и речи, то, очевидно, необходимо разграничить оперативное время этих двух объектов лингвистической реальности: разные конструктивные операции, с одной стороны, в языке, с другой, в речи. Первые касаются потенциально значимых единиц, а вторые — реализованных. В основе образования языковых и речевых единиц лежат определённые психомеханические операции с той разницей, что, как было отмечено, единицы языковой системы представляют результативный этап этих операций, а речь — процессуальный. Глоттогенез, обозначающий построение языка во времени, предшествует праксеогенезу, построению речи. Темпоральное пространство глоттогенеза, охватывающего внутреннее оперативное время, характерно для кинетизма мышления с его самоперехватами, которые маркируются соответствующими языковыми формами. В неизмеримо кратком оперативном времени праксеогенеза кинетические перехваты мышления преобразуются в статические [Boone, Joly, 1996: 293]. Оперативное время дискурса (праксеогенеза) является субстратом взаимодействия языковых и речевых значений. На пространстве оперативного времени речевого акта все его этапы — прекоструктивный (мыслительный), языковой и речевой — мотивированы соответствующей работой мышления (когнитивными процессами) в его свободной зоне и зоне, ограниченной построением лингвистических знаков [Там же: 88]. В акте речи мысль пробегает путь «от времени в потенции» до «времени в действительности» [Реферовская, 1997: 38]. Постигание операции психомеханизмов свободного и автономного мышления возможно только путем теоретической реконструкции. Поскольку мышление является «конструктором». Психомеханика объединяет уже на начальной фазе язык, само мышление человека и речевую деятельность, финалом которой является высказывание. Онтологию психомеханики можно представить следующим образом: психомеханика — начальная фаза язык (когнитивная

теория), мышление человека (область мыслимого), финальная фаза — речь (теория речезыкового акта — высказывания), думающий человек и его интенция (область продуманного), трансцендентальный субъект, интегрирующий язык и речь. Теория психомеханики, во-первых, открывает путь для изучения ментально-языкового процесса «изнутри»; во-вторых, является основой для комплексной характеристики когнитивности языка и речи, для интерпретации трехуровневой теории значения: концепта, языкового значения, значения речевого [Минкин, Моисеева, 2004: 108], которая объясняет систематическую каузацию на пути потенция > реализация. Очевидно, на этом пути в соответствии с интенцией субъекта и содержанием потенциального означаемого слова осуществляется особая структуризация знания, когда взаимодействуют значения слов одного лексико-семантического поля; такие конструкции знания в виде крупных понятийных структур представлений (фреймов, сценариев и т. д.) занимают определенное пространство в когнитивной организации системы языка. Высказанное предположение о наличии в языке более крупных понятийных образований, нежели слово, видимо, может быть предметом отдельного исследования в аспекте психосематики и психомеханики.

Завершая изложение некоторых положений феноменологии, эпистемологии языка, его психосематики и психомеханики, отметим, что, очевидно, возможно совмещение двух аспектов изучения ментальности только «снаружи» — в поствербальных формах и «изнутри» — на основе теории психомеханики. Совмещение двух подходов к рассмотрению ментальности открывает путь к методике конверсии и реконверсии мысленного и словесного высказывания. Наконец, определение инструментальной функции языка (речи) как «преднауки» невозможно без признания того, что язык является как бы депозитарием опыта, сформировавшихся представлений, внутреннего ментального мира человека.

Список литературы

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скреблиной. — М. : Прогресс, 2004.
2. Карасик В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003.
4. Минкин Л. М., Моисеева С. А. К проблеме соотношения мышления, языка и речи // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразша. — 2004. — № 635. — С. 103–109.
5. Минкин Л. М. Теория праксематики: оперативное время речевого акта // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. — Вып. 7, ч. I. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. — С. 12–22.
6. Минкин Л. М. Предложение, высказывание, речевой акт // Вісн. Київ. нац. лінгвіст. ун-ту, 2007. — Т. 10. — № 2. — С. 5–15.
7. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. — Вып. 1. — Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. — М. : Гнозис, 2006. — С. 66–80.
8. Реферовская Е. А. Философия лингвистики Г. Гийома. Курс лекций по языкознанию. — СПб. : Акад. проект, 1997.
9. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1997.
10. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. — СПб. : Высш. религиоз.-филос. шк., 2001.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб. : Symposium, 2004.
12. Якобсон Р. Язык и бессознательное. — М. : Гнозис, 1996.
13. Bajric S. Question d'intuition // *Langue française*. — 2005. — № 147. — P. 7–18.
14. Guillaume G. Observation et explication dans la science du langage (I) // Guillaume G. *Langue et science du langage*. — P. : Librairie A. — G. Nizet; Quebec : Presses de l'Université Laval, 1969. — P. 25–45.
15. Valette M. Enonciation et cognition: deux termes in absentia pour deux notions omniprésentes dans l'oeuvre de Guillaume // *Le français moderne*. — 2003. — T. LXXI — № 1. — P. 6–25.
16. Valette M. Linguistiques énonciatives et cognitives françaises. — P. : Honoré Champion éditeur, 2006.